Министерство образования и науки Украины

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков

Одесский Археологический музей Национальной Академии Наук Украины

Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Национальной Академии Наук Украины

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск VIII

Одесса
ФЛП «Фридман А.С.»
2008

ББК 63.3(237Ук,7)
УДК 902/904
Д73

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол №5 от 12 февраля 2008 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. – 392 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов VIII Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 12-14 марта 2008 г. Выпуск включает статьи, посвященные проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:
Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.
Демин О.Б. – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.
Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.
Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.
Луговой О.М. – ответственный секретарь, технический редактор.
Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.
Руссев Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова).
Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.
Смынтына Е.В. – д.и.н., проф., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:
Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.
Сорочан С.Б. – д.и.н., проф. кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука**, председателя Овидиопольского районного совета.*

ISBN 966-96181-5-0

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2008

Д.П. Алексинский (Санкт-Петербург, Россия)

АМАЗОНКА – АФИНЯНКА?

В коллекции Эрмитажа хранится краснофигурная амфора ноланского типа (Б.1653) с загадочной и, при внимательном рассмотрении, даже обескураживающей росписью. Амфора была первоначально приписана Дж. Бизли мастеру Фиалы, но впоследствии атрибутирована мастеру Клио и датирована около 440 г. до н.э.[1] У Д. фон Ботмера амфора включена в каталог изображений амазонок под №138, в разделе «Амазонки сами по себе»[2].

Изображенный на амфоре персонаж – всадник женственного облика в варварском костюме – оснащен щитом. Это примечательно, поскольку щит нетипичен для иконографии всадников классического периода. В данном случае костюм недвусмысленно указывает на амазонку, а для иконографии амазонок в V в. до н.э. гоплитский щит – крайне нехарактерный атрибут. Обычный щит амазонки – серповидная пельта.

За щитом, в той же руке, персонаж эрмитажной амфоры держит длинное копье, причем обратным хватом, наконечником вниз. При таком способе удержания оружие легко можно было перехватить правой рукой для замаха. Длина древка скорее соответствует гоплитскому копью, предназначенному, как и большой круглый щит, для пешего боя. Это не дротик (ακοντιον), бывший, наряду с луком и боевым топориком, наиболее типичным вооружением амазонок ориентального облика на греческих изображениях[3]. Для всадника, тем более для конной амазонки, такая паноплия выглядит весьма экзотично.

Нельзя исключать и возможную смысловую нагрузку положения копья. Обращенный к земле наконечник на рассматриваемом изображении можно трактовать в погребальном контексте (Serv. ad Verg. Aen. XI, 93; Bacchyl. fr. 8).

Персонаж облачен в узкие анаксириды, в пестрый рукавный хитон, поверх которого надет обычный, в головной убор с длинными наушниками, наподобие башлыка, и мягкую обувь. Костюм подчеркнуто ориентализирован, и это не случайно. Известно, что порой черты современной реальности проникали в эпическую иконографию. В случае с амазонками это было связано со своеобразной актуализацией образа врага. До конца VI в. до н.э. мифические девы-воительницы изображались, как правило, в той же гоплитской паноплии, что и их противники, отличаясь от эллинских гоплитов только окраской открытых участков тела в белый цвет и, иногда, длиной хитона. Правда, в некоторых сценах на поздних чернофигурных и ранних краснофигурных вазах костюм амазонок несет подчеркнуто азиатские черты. На архаических изображениях амазонки пешие, и, похоже, представление о

них как о всадницах складывается сравнительно поздно (Hdt. IV.112; 114). После начала Греко-персидских войн костюм и вооружение амазонок на изображениях программно ориентализируются, уподобляются персидскому (или же просто подразумевают условный «восточный», «варварский», «мидийский» костюм)[4], а сами амазонки все чаще показаны верхом. В этом также можно видеть ассоциативный подтекст, т.к. персы в восприятии классической традиции, например, у Симонида – конники. Таким образом, древние, традиционные недруги эпических героев приобретали облик врага современного и реального. В таком оформлении сцены легендарных амазономахий с участием аттического национального героя Тезея должны были восприниматься как параллель современным битвам с персами, как своего рода парадигма битвы с варварами, получившая современное звучание.

Нетрудно заметить, что персонаж на эрмитажной амфоре облачен в привычный, даже типический для иконографии амазонок в краснофигурной вазописи костюм, который очевидно диссонирует с гоплитским вооружением.

Но самым удивительным элементом в облике изображенного на амфоре персонажа является эмблема его щита, представляющая собой монограмму: «альфа». Именно в этой эмблеме, на мой взгляд, кроется главная интрига представленного сюжета и, одновременно, ключ к возможной атрибуции изображенного.

Эмблема щита на вазовом изображении могла служить не только идентификационным маркером, как это было в реальной практике, но даже характеризовать определенным образом своего носителя. Рисунок на щите нередко информативен, и это вдвойне значимо, когда речь идет о таком, бесспорно, читаемом символе, как аббревиатура. Надо думать, вазописец вполне осознанно выбирал подобный мотив декора щита.

На аттических вазах классического периода изредка встречаются изображения щитов с надписями: А или АΘЕ, начальным слогом названия афинского полиса[5]. Эта аббревиатура хорошо известна по афинским монетам начиная с VI в. до н.э., а для раннего эллинизма представлена на свинцовых жетонах из раскопок афинской агоры, изображающих гоплитские щиты.[6] По-видимому, «альфа» служила в Афинах такой же упрощенной щитовой эписемой, отражающей полисную эмблематику, как и надежно зафиксированная письменными источниками «лямбда» в Спарте[7].

Однако в мифах амазонки выступают противницами эллинов, в частности – афинян. Помещение афинской эмблемы на щите в таком свете выглядит более чем странно. Пытаясь преодолеть это затруднение, Дж. Андерсон предположил, что «альфа» могла передавать не только заглавную букву названия полиса, но и имя богини[8]. Однако, связь амазонок с Афиной не прослеживается ни в культовом, ни в

мифологическом контексте. Наделение амазонки атрибутом, несущим афинскую символику, должно было иметь какое-то очевидное для современников объяснение. Кроме того, данный пример, похоже, уникален. На мой взгляд, это может быть оправдано только в том случае, если изображенная героиня выступает на стороне афинян. И тут, кажется, не найти другую подходящую кандидатуру, кроме амазонки Антиопы[9]. Павсаний упоминает могилу Антиопы на въезде в Афины со стороны Фалера (через Итонийские ворота):

«По словам Пиндара, эта Антиопа была похищена Перифоем и Тесеем, а Гегий из Трезена относительно нее пишет в своей поэме, что, когда Геракл осаждал Фемискиру на Фермодонте и не мог ее взять, то Антиопа, влюбившись в Тесея, – а Тесей участвовал вместе с Гераклом в этом походе – передала ему это укрепление» (Paus. I 2, 1; Pind. fr. 175 M). Версию о совместном с Гераклом походе Тесея пересказывают Юстин (Iust. II 4, 23-25), Аполлодор (Э I, 16) и Гигин (Hyg. Fab. 30). Плутарх делает выбор в пользу иной традиции: «большинство историков – в том числе Ферекид, Гелланик и Геродор – утверждают, что Тесей плавал после Геракла, на своем корабле, и захватил амазонку в плен» (Plut. Thes. 26). Если предположить, что героиня мастера Клио – похищенная Тесеем Антиопа или, в других традициях, – Меланиппа, Главка или Ипполита (Isocr. Panath. 193; Athen. XIII,4,c.557A; Plut. Thes. 27), присутствие на ее щите афинской полисной эмблемы уже не настолько обескураживает.

По Диодору (Diod. IV 28, 1), Плутарху (Plut. Thes. 27) и Павсанию (Paus. I 41, 7), похищение Антиопы послужило поводом к войне. У Диодора сообщается, что в битве против амазонок «вместе с Тесеем была и амазонка Антиопа, родившая ему сына Ипполита. (…) случилось так, что Антиопа, (…) отличившаяся в битве, геройски пала в бою» (Diod. IV, 28, 3-4). Существовала, кроме того, версия, излагавшаяся в «Тесеиде» (Plut. Thes. 28; Arist. Poet. 8), согласно которой Антиопа напала на Афины, мстя Тесею за женитьбу на Федре. По Гигину, она пала от руки Тесея (Hyg. Fab. 241). Эту же версию предания использовали Овидий (Ovid. Epistulae (vel Heroides) IV. 119) и Сенека (Sen. Phaedr. 227, 927).

Война с амазонками упоминается у Геродота (Hdt. IX, 27) и в «Эвменидах» Эсхила (685-690), т.е. в источниках, синхронных или близких по времени росписи эрмитажной амфоры. В традиции зафиксировано важное, хотя и не вполне ясное значение, которое имело почитание могил амазонок в аттическом культе (Plut. Thes. 27).

Антиопа не принадлежит к числу часто изображавшихся персонажей, но, тем не менее, имеет собственную иконографию. Выделено два сюжета, в которых присутствует Антиопа: похищение ее Тесеем и амазономахия, в которой одна из амазонок выступает на стороне эллинов[10]. Сцены похищения представлены, главным образом, аттическими вазовыми росписями, причем аттической вазописи уже в

VI в. до н. э. знаком вариант предания о похищении Тесеем амазонки вне связи с Гераклом. Вне этих сюжетных контекстов на росписях, не сопровождаемых пояснительными надписями, изображения Антиопы не выявлены. Учитывая отсутствие развитой внутригрупповой атрибутики в иконографии амазонок, изолированная фигура амазонки едва ли может быть доказательно отождествлена с какой-то конкретной героиней. В нашем случае, однако, читаемым идентификационным знаком можно гипотетически признать щит.

Если моя догадка верна, то альфа на щите (и сам щит) получают объяснение. Художник персонифицировал свою героиню, наделив ее щитом с афинской эмблемой и, таким образом, противопоставив другим, враждебным амазонкам. Этим же может объясняться и нетипичный набор вооружения, более соответствующий правильному гоплитскому бою и радикально отличающийся от паноплии классических амазонок.

Возникает резонный вопрос: почему мастер просто не надписал имя? Здесь надо заметить, что на краснофигурных расписных сосудах, в частности ноланских амфорах, персонажи вообще поименованы нечасто. Надписи, если они есть, обычно относятся к объекту дарения (ΚΑΛΟΣ имярек). Из более, чем двадцати расписных сосудов, приписанных мастеру Клио[11], надписи не указаны ни на одном. Нет их и на эрмитажной амфоре (если не считать надписью монограмму в поле щита). Возможно, сопровождать рисунок текстом было не в обычае мастера.

Как отмечалось выше, в традиции нет единодушия по поводу имени плененной Тесеем амазонки. Так, в трагедии Еврипида «Ипполит», синхронной по времени создания нашему памятнику, матерью сына Тесея названа амазонка, но имя не упомянуто (351). Поэтому предлагаемое признание за амазонкой на амфоре мастера Клио имени Антиопы сугубо условно, поскольку мы не знаем, какая именно версия предания была знакома мастеру. Тем не менее, сделанные выше наблюдения позволяют соотнести это изображение с образом легендарной пленницы и жены главного аттического героя, которая сражалась против своих соплеменниц плечом к плечу с афинянами и пала в бою.

В декорации амфоры мастера Клио, функционально служившей столовой посудой на симпосиях, важен, как мне представляется, момент узнавания, точнее – угадывания, связанный, возможно, с культурой застольной беседы-игры. Не исключено, что это своеобразная загадка. Значимые элементы изображения – конь и «варварский» костюм, указывающие на амазонку, гоплитское вооружение и афинская эписема, подчеркивающие принадлежность к «своим», перевернутое копье, служащее, быть может, маркером героической гибели, – должны были подсказать верный ответ. Возможно, эрмитажная амфора была включена в какую-то серию ваз с изображениями, может быть, назидательными, узнаваемых персонажей предания.

[1] ARV. – P. 672; ARV^2. – P. 1081, 13; Передольская А.А. Аттические краснофигурные вазы в Эрмитаже. – Л., 1967. – Кат. 207, с. 180, таб. CXXXVI, 4; CXXXVII, 2
[2] Bothmer D. von. Amazons in Greek Art. – Oxford, 1957. – P. 199
[3] Эти же предметы вооружения указывает и Страбон, как характерное оружие амазонок (Strabo. XI. 5. 1).
[4] Иванчик А.И. Кем были скифские лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. – 2002. - №3. – С. 33-55; №4. – С. 23-42
[5] Например, на пелике ок. 430 г. до н. э. со сценой гоплитодрома (Лан, Муниципальный музей археологии, 371029) или на ноланской амфоре мастера Бостонской фиалы (Варшава, Национальный музей, 142338). Сравнить: Chase G.H. The Shield Devises of the Greeks // Harvard Studies of Classical Philology. Vol. 13 (1902). – P. 110, №№ CXLVII, CLII
[6] Kroll J. H. Some Athenian Armor Tokens // Hesperia. 46. – 1977. - № 2. – P. 142-143
[7] Нефёдкин, А. К. Развитие эмблематики на греческих щитах // ВДИ. – 2002. - №3. – С. 125
[8] Anderson, J. K. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley – Los Angeles, 1970. – P. 19-20, 263. Not. 29
[9] Подробнее см.: Wernicke K., s. v. A. RE I, 2497 – 2500
[10] Антиопа поименована на амфоре ок. 450 г. до н. э из музея в Тель-Авиве (LIMC I, Antiope II 21; Kauffmann-Samaras A., p. 859) и на фрагментах, хранящихся в Нью-Йорке (23.160.64) и в Оксфорде (1922.209): ΑΝΤΙΟΠΗ (Bothmer. 1957, p. 197).
[11] ARV^2 – P. 1080-1081, 1-21; Beazley Addenda. 1982. – P. 327, 1080.3 Naples Stg. 283

В.П. Алёхин (Белгород, Россия)

ФИВАНСКИЙ «СВЯЩЕННЫЙ ОТРЯД»

«Священный отряд» фиванцев был одним из самых известных элитных воинских подразделений греческих полисов. Несмотря на кратковременность своего существования, он стал символом мужества, стойкости, преданности и во многом был основой военного и политического усиления Беотийского союза в IV в. до н.э. К сожалению, состояние источников не позволяет нам однозначно ответить на многие вопросы, связанные со временем возникновения, функционированием и организационной структурой «священного отряда», а также о его месте в военной системе Беотийского союза. В современной исторической науке существует множество точек зрения по этим вопросам.

В первую очередь, нерешенным остается вопрос о времени возникновения «священного отряда». Довольно долго в отечественной историографии считалось, что фиванский «священный отряд» был